

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Б ЛЮБОПЫТНОМЪ историческомъ очеркѣ В. Е. Рудакова¹⁾ о студенческихъ научныхъ обществахъ приведены нѣкоторыя данные, почерпнутыя изъ статьи г. Сыромятникова (Сигмы) въ «Новомъ Времени» отъ 7 юля 1899 года, относительно общества, существовавшаго въ 1881 — 1887 гг. при С.-Петербургскомъ университѣтѣ и оставившаго, какъ говорить г. Рудаковъ, во многихъ участникахъ прекрасную по себѣ память. Свѣдѣнія эти не совсѣмъ точны и слишкомъ скучны, а потому я, какъ одинъ изъ членовъ-учредителей этого общества, считаю неизлишнимъ, въ дополненіе къ названному очерку, сообщить еще нѣкоторыя подробности объ этомъ дорогомъ для насъ учрежденіи, при чемъ, конечно, мнѣ придется охарактеризовать ту обстановку, при которой оно возникло, настроеніе и интересы нашей студенческой среды.

Не впадая пока еще въ старческую слабость хвалить непремѣнно свое время въ ущербъ постѣдующему и не желая нимало укорять въ чемъ либо теперешнюю молодежь, которая, что бы о ней ни говорили, и мыслить, и чувствовать въ огромномъ своемъ большинствѣ честно и благородно, я все-таки долженъ сказать, что, вступая въ университетъ, мы сильно отличались отъ нынѣшнихъ гимназистовъ и по степени нашей подготовки и по широтѣ и интенсивности нашихъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ. События предшествовавшихъ годовъ, начиная съ сербо-турецкой войны, въ сильнѣйшей степени возбудили въ насъ такие запросы, о которыхъ теперь ученики средней школы почти никогда не по-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., № 12.

мышляютъ. Уже въ 3-мъ, 4-мъ классахъ гимназіи мы начали слѣдать за политикой: идя на уроки, запасаешься, бывало, газетой («Голосомъ» или особенно тогда популярнымъ «Новымъ Временемъ») или телеграммами съ театра войны, и какія оживленныя, страстныя пренія происходили по поводу всякихъ новыхъ вѣстей! Мальчуганы, конечно, повторяли весьма авторитетно сужденія своихъ родителей; много, конечно, тутъ было комичнаго политика; авторитетность и дѣтскій задоръ чрезвычайно напоминали Колю Красоткина (яркій образецъ дѣтей нашего времени, великолѣпно охарактеризованный Достоевскимъ), но, какъ и этотъ мальчикъ, мы приходили къ кое-какимъ положительнымъ результатамъ не говоря уже о томъ, что у насть изъ чтенія газетъ, журналовъ и нѣкоторыхъ книжекъ накопился довольно порядочный запасъ свѣдѣній, какъ о Турціи и славянскихъ странахъ, такъ и политическихъ отношеніяхъ Россіи за царствованіе императора Александра II, не говоря о томъ, что у насть значительно расширились свѣдѣнія по европейской исторіи XIX столѣтія; у насть, что было особенно важно, явилась жажда самостоятельного приобрѣтенія знаній, мы заинтересовались многимъ, что не входило въ обязательную учебную программу. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что подобныя самостоятельные занятія нисколько не мѣшали, а, пожалуй, даже значительно помогли учебной работе; а работа эта была совсѣмъ не маленькая, такъ какъ въ тѣ времена еще ни о какомъ переутомлѣніи толковать не полагалось въ строгой толстовской системѣ, не подвергавшейся еще всяческимъ урѣзкамъ, требовалось отъ насть очень много труда, и наша педагогика еще не увлеклась пагубнымъ приемомъ разжевыванія преподаваемаго материала; кромѣ того, тогда не особенно боялись показывать въ отчетахъ большой процентъ не успѣвающихъ учениковъ, такъ что не вытягивали всѣми силами до послѣдняго класса отчаянныхъ тушицъ и лѣнтиевъ, не выпускали изъ гимназій такихъ юношь, которые на окончательныхъ испытаніяхъ по классическому отдѣленію историко-филологического факультета пишутъ *hominorum* или *in litteraturibus*, или же въ замѣткахъ по лингвистикѣ спокойно заносятъ «мѣстоимѣній коринь». Еще однимъ существеннымъ результатомъ нашихъ мальчишескихъ занятій политикой былъ извѣстный подъемъ духа, идеалистическое настроеніе, но не въ смыслѣ нынѣшняго отвлеченного эстетизма, а въ направленіи альтруистическомъ: стали мы думать о защитѣ слабыхъ и угнетенныхъ, о служеніи родинѣ.

Кончилась война, но возбужденіе, вызванное ею въ нашей средѣ, не могло заглохнуть, — оно перенеслось на другіе предметы, а жизнь сравнительно съ нынѣшнимъ затишьемъ била ключемъ, и такихъ интересныхъ предметовъ оказывалось очень много. Стоитъ припомнить хотя бы литературную обстановку того вре-

мени и посравнить ее съ тѣмъ, что мы видимъ теперь: въ настоящее время передъ нами одинъ геніальный колосъ, графъ Л. Н. Толстой, вокругъ котораго разстилается пустыня, а на ней кое-гдѣ мелькаютъ второстепенные величины, талантики, подающіе надежды, которымъ, повидимому, такъ и суждено на вѣки оставаться надеждами; а тогда рядомъ съ этимъ колосомъ стояли такія силы, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Писемскій, Мельниковъ, Некрасовъ, Шедринъ, Островскій. Ихъ произведенія мы читали и перечитывали, и знакомство съ ними, не входившее тогда, какъ, къ сожалѣнію, и теперь, въ учебную программу, представлялось настолько необходимымъ, что въ гимназіяхъ преподаватели русскаго языка вполнѣ спокойно указывали своимъ ученикамъ, что они могли бы пользоваться для своихъ сочиненій типами изъ «Преступленія и наказанія», изъ комедій Островскаго и т. п. Читались и перечитывались нами также и произведенія лучшихъ нашихъ критиковъ, такъ что бывали у насть кружки, изучавшіе специальнно Бѣлинскаго или Добролюбова. Для развитія нашихъ литературныхъ интересовъ благодѣтельнѣйшимъ толчкомъ было открытие московскаго памятника Пушкину: вдохновенная, мессіанская рѣчь Достоевскаго, его полемика съ Градовскимъ, рѣчи другихъ ораторовъ, собранныя въ книгѣ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», все это волновало насть и до крайности увлекало. Это событие имѣло для насть и другое значение: съ литературными вновь связались и политическіе вопросы, и уже въ гимназіяхъ у насть были и западники, и страстные славянофилы, и даже ярые радикалы, мечтавшіе перевернуть весь міръ, возродить Россію, и, если не особенно читавшіе, то очень почитавшіе Лассала, Прудона, Герцена и разную запрещенную литературу. Потрясающее событие 1 марта 1881 года для многихъ изъ насть явилось такимъ фактомъ, который заставилъ серіозно призадуматься и произвести основательнѣйшую провѣрку своего политическаго и нравственнаго міросозерцанія: одни утвердились въ прежнихъ взглядахъ, другіе кое-что признали необходимымъ измѣнить въ своихъ воззрѣніяхъ.

Въ такомъ настроеніи и съ такой подготовкой мы пришли осенью 1881 года въ университетъ: жажда знанія, жажда работы на благо народа—вотъ тѣ стремленія, которыми было проникнуто большинство юношей, съ радостнымъ трепетомъ переступавшихъ порогъ нашей *alma mater*; никакихъ помышленій о карьерѣ и о фортунаѣ мы не знали. Чудное было настроение! Впереди казалось все такимъ свѣтлымъ, чарующимъ. Университетъ нашъ блесталъ по всѣмъ факультетамъ именами первоклассныхъ ученыхъ: на юридическомъ факультетѣ были: А. Д. Градовскій, Ю. Э. Янсонъ, И. Е. Андреевскій, В. И. Сергеевичъ, Н. С. Таганцевъ, Ф. Ф. Мартенсь, И. Я. Фойницкій, математики стремились послушать П. Л.

Чебышева, А. Н. Коркина, К. А. Пессе; естественники знали, что имъ придется учиться у А. Н. Бекетова, А. С. Фамицына, Н. П. Вагнера, Ф. Ф. Петрушевского, С. А. Меншуткина, А. М. Бутлерова, Д. И. Менделѣева; филологи шли къ И. В. Ягичу, В. И. Ламанскому, В. Г. Васильевскому, К. И. Люгебилю, И. И. Минаеву, А. Н. Веселовскому, К. Н. Бестужену-Рюмину, О. Ф. Миллеру; на восточномъ факультетѣ были: К. А. Коссовичъ, В. П. Васильевъ, Д. А. Хвольсонъ. Всѣхъ не пересчитаешь, было много и другихъ хорошихъ профессоровъ, и вѣрилось, что у такихъ учителей можно многое узнать, что они откроютъ намъ пути къ самостоятельной научной и общественной работѣ.

Скоро мы между собой перезнакомились, узнали и старшихъ товарищѣй, вошли въ общую студенческую жизнь, разбились по тѣмъ кружкамъ, которые уже ранѣе сложились въ университетской средѣ. Мы увидѣли, что общее настроение студенчества не совсѣмъ совпадаетъ съ нашимъ оптимизмомъ, и что даже чувствуется нѣкоторая подавленность. Предшествующіе годы были въ жизни нашего университета чрезвычайно бурными. Кратковременное управление А. А. Сабурова и эпоха графа М. Т. Лорисъ-Меликова возбудили массу надеждъ, которымъ не суждено было осуществиться. Весь 1880—1881 учебный годъ прошелъ въ почти безпрерывныхъ сходкахъ, былъ поднятъ вопросъ о постоянной студенческой организаціи, о корпораціяхъ, научныхъ обществахъ, кружкахъ самообразованія и взаимной помощи, но все оборвалось, благодаря съ одной стороны прискорбному скандалу на актѣ 8 февраля 1881 года, а съ другой — вслѣдствіе событий 1 марта... Реакція начала уже обнаруживаться, и толки о преобразованіи университетскаго устава 1863 года, казалось, грозили чѣмъ-то тяжелымъ.

Тѣ старшіе товарищи, къ которымъ мы примкнули, раздѣлялись на нѣсколько большихъ группъ. Самой крупной по численному составу была группа либерально-западническая: нужно идти дальше по пути реформъ, нужно «увѣнчать зданіе», какъ тогда выражались, подразумѣвая конституцію; студенчеству также нужна либеральная организація. Къ западникамъ, называя ихъ, вирочемъ, пустозвонными либералами, ближе всего стояли немалочисленные въ то время революціонные элементы студенчества, хотя слѣдуетъ сказать, что почти всѣ страшныя ихъ революціонныя стремленія были большей частью чисто-теоретическія, и виѣшнее проявленіе ихъ ограничивалось всѣмъ извѣстными особенностями костюма, синими очками, малороссийскими рубашками, высокими сапогами, длинными волосами и т. п., а также чтеніемъ прокламаций, запрещенныхъ брошюре, «Народной воли», пѣніемъ зажигательныхъ пѣсенокъ въ родѣ «Барки». Настоящіе агитаторы, подпольные дѣтели, подобными дѣлами не занимались. Меньше западнической,

хотя тоже очень многочисленной, была группа славянофильско-народническая: мессианическая, проповѣдь Достоевскаго, созданный (собственно только намѣченный) имъ идеальный образъ Алеша Карамазова, пламенныя статьи такого восторженного трибуна и высоко-талантливаго «рыцаря безъ страха и упрека», какимъ былъ И. С. Аксаковъ, увлекали немало юныхъ головъ, тѣмъ болѣе, что и въ самой профессорской корпораціи славянофильство имѣло такихъ видныхъ представителей, какъ В. И. Ламанскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и О. Ф. Миллеръ, и мы знаемъ студентовъ, вступавшихъ даже въ личныя сношенія съ редакторомъ «Руси», но въ этой группѣ сильнѣе, пожалуй, было народничество, пропагандировавшееся только что возникшимъ тогда журналомъ Л. Е. Оболенскаго «Русское Богатство», и книжечка г. Юзова «Основы народничества» имѣла въ тѣ времена немалый кругъ читателей среди студенчества, не совсѣмъ правильно понимавшаго славянофильство, видѣвшаго въ немъ какое-то ретроградство и лучшее мирившагося съ программой народниковъ. Наконецъ, совсѣмъ незначительна была группа людей, раздѣлявшихъ взгляды Каткова: угнетеніе мысли, которымъ грозилъ московской публицистъ, никого не могло привлекать, и его сторонниками явились лишь нѣкоторые изъ студентовъ-аристократовъ или господа, помышлявшие уже на студенческой скамье о хорошей чиновной карьерѣ; къ послѣднимъ примыкали довольно многочисленные, какъ теперъ, такъ и тогда безразличные люди, избравшиѣ своимъ девизомъ умѣренность и аккуратность, довольно аккуратно иногда посѣпавшиѣ лекціи, но мало сближавшіеся съ товарищами. Какъ ни были различны воззрѣнія всѣхъ этихъ кружковъ, они, за исключеніемъ безразличныхъ, сходились между собою въ одномъ указанномъ выше стремленіи служить народному благу. Въ этомъ отношеніи весьма характерной представляется рѣчь, принадлежащая одному изъ участниковъ сходки, изображенной почти съ фотографической вѣрностью въ повѣсти «Старый грѣховодникъ» въ журналѣ «Дѣло» 1880 года.

Такова была духовная атмосфера, въ которую мы попали въ нашемъ университѣтѣ въ 1881 году, и вотъ здѣсь-то зародилась мысль объ учрежденіи студенческаго общества саморазвитія и само-помощи. Инициаторами явились студенты филологи, графъ А. Ф. Гейденъ и И. А. Шляпкинъ, съ небольшимъ кружкомъ близайшихъ товарищей. Насколько мнѣ известно, въ этомъ кружкѣ высказывалась и такая мысль: дружныя, общія занятія наукой и литературой такъ поднимутъ уровень интересовъ студенчества, такъ заполнятъ время молодыхъ людей, что явятся естественнымъ, сильнѣйшимъ противовѣсомъ политическимъ увлеченіямъ, нигилистической, революціонной пропагандѣ; такимъ образомъ замышляемое общество, между прочимъ, получало какую-то политическую окраску,

хотя по самому существу не должно было бы имѣть никакого политического характера, оно оказывалось антиреволюционнымъ, антинигилистическимъ. Мнѣ лично въ предварительныхъ совѣщаніяхъ кружка участвовать не привелось, и я обѣ этой части программы могу упомянуть только со словъ другихъ лицъ и на основаніи нѣкоторыхъ фактovъ, имѣвшихъ мѣсто нѣсколько позже.

Въ началѣ 1882 года уставъ общества, выработанный въ этихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ, былъ утвержденъ попечителемъ округа, Ф. М. Дмитриевымъ. По этому уставу общество имѣло цѣлью содѣйствовать научнымъ и литературнымъ занятіямъ студентовъ; для этого оно могло издавать свои труды въ видѣ сборниковъ или отдѣльныхъ книжекъ, устраивать научные рефераты и литературные чтенія, какъ для своихъ членовъ, такъ и для всѣхъ студентовъ, выписывать журналы и приобрѣтать книги для пользованія своимъ членовъ, прискивать научно-литературныя занятія студентамъ. Такимъ образомъ взаимная помощь въ материальной формѣ исключалась изъ задачъ общества. Общество состояло подъ почетнымъ предсѣдательствомъ попечителя округа, а дѣйствительнымъ предсѣдателемъ назначался одинъ изъ профессоровъ; ректоръ университета считался непремѣннымъ членомъ общества. Дѣйствительными членами могли быть избираемы всѣ студенты и оставленные при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Этотъ пунктъ былъ очень важенъ, такъ какъ устанавливала связь между студентами и молодыми учеными, поддерживала научный элементъ въ обществѣ. Хозяйственными и административными дѣлами общества завѣдывала совѣтъ изъ его членовъ, а для руководства научно-литературными занятіями выбирался научный отдѣлъ, состоявшій изъ 20 представителей разныхъ специальностей: члены этого отдѣла должны были предварительно оцѣнивать научные рефераты и литературныя работы членовъ, и только послѣ такой оцѣнки работы студентовъ допускались къ чтенію.

Первое засѣданіе общества подъ предсѣдательствомъ О. О. Миллера состоялось, насколько мнѣ помнится, въ началѣ марта 1882 г. въ ботаническомъ кабинетѣ университета. Въ числѣ участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи лицъ, получившихъ званіе членовъ учредителей (около 50 человѣкъ), назову нѣсколькихъ, которые вносли дѣйствіи заявили себя научными или литературными трудами: это были графъ А. О. Гейденъ, И. А. Шляпкинъ, В. Г. Дружининъ, В. Н. Латкинъ, Б. Б. Глинскій, В. П. Карповъ, С. Ф. Глинка и др. Выбранные были члены совѣта и научного отдѣла, намѣчены рефераты для будущихъ засѣданій и для чтенія студентамъ, предложены новые члены, и такимъ образомъ официально открылась дѣятельность общества. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого были прочтены въ университетскихъ аудиторіяхъ нѣкоторые рефераты, привлекшіе довольно большое число слушателей изъ студентовъ, не входив-

шихъ въ составъ общества; къ лѣту были напечатаны два выпуска «Трудовъ», содержащіе въ себѣ «Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ» С. О. Платонова и медальное сочиненіе П. В. Бевзобразова «Боэмундъ Тарентскій».

Несмотря на индифферентное отношеніе нѣкоторой части студентовъ, общество имѣло замѣтный успѣхъ, возбуждало толки научнаго характера, и число его членовъ постепенно росло. Дѣло шло хорошо, но одинъ казусъ чуть было всего не испортить. Въ число членовъ общества вступилъ студентъ юридического факультета, Л., который среди своихъ однокурсниковъ сталъ объяснять мотивы своего вступленія такимъ образомъ: общество имѣеть первою цѣлью борьбу съ революціонерами, а потому весьма выгодно быть его членомъ, такъ какъ аристократы-учредители впослѣдствіи помогутъ сдѣлать хорошую карьеру. Это объясненіе (къ слову сказать, совсѣмъ неправильное, такъ какъ изъ учредителей аристократомъ могъ счи-таться развѣ только графъ А. Ф. Гейденъ, борьба съ революціоне-рами никакъ не ставилась на первый планъ, а о карьерѣ никто не толковалъ) сильно взбудоражило всѣхъ членовъ общества. Боль-шинство изъ нась ничего не знало объ антинигилистическихъ пред-положеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, а карьерные расчеты представи-лись намъ чрезвычайно низостью, потому что мы все, какъ я уже выше сказалъ, были одушевлены самыми идеалистическими стре-мленіями. Толки по этому поводу привели къ расколу: одна часть членовъ настаивала на антинигилистическомъ характерѣ общества, другіе же, составлявшіе большинство, рѣшительнѣйшимъ образомъ протестовали противъ всякаго внесенія въ общество политики, будь ли она красная, или бѣлая, и признавали своею цѣлью исключительно научно-литературныя занятія. Конечно, большинство по-бѣдило, и общество на первыхъ же порахъ лишилось довольно зна-чительного числа членовъ; къ общему прискорбію, въ числѣ ушед-шихъ былъ и графъ А. Ф. Гейденъ.

Съ осени 1882 года, при нѣсколько измѣненномъ уставѣ, дѣя-тельность общества возобновилась и безъ всякихъ волненій, если не считать одного чисто личнаго, мелочнаго столкновенія между нѣсколькими членами, продолжалась почти 6 лѣтъ. Число его чле-новъ постоянно росло и къ концу его существованія было уже болѣе 350. Сходились тутъ студенты всѣхъ факультетовъ, и это общеніе предохраняло ихъ отъ узкаго специализма: математикъ не считалъ для себя излишнимъ послушать иногда филолога, юристъ могъ воспользоваться какими нибудь указаніями естественника, филологъ совѣтовался съ юристомъ или естественникомъ, и въ ре-зультатѣ этого живого обмѣна знаній и мнѣній получилось расши-реніе общаго образованія студентовъ, благодѣтельное научное воз-бужденіе, котораго не могли бы намъ дать самыя талантливыя лек-ціи профессоровъ, осуществлялось полное идеальное представленіе объ *universitas litterarum*.

Каждыя двѣ недѣли мы собирались на засѣданія, въ которыхъ могли присутствовать только члены общества, а, сверхъ того, нѣсколько разъ въ годъ устраивались чтенія для всѣхъ студентовъ. Въ засѣданіяхъ происходили выборы новыхъ членовъ, которые по уставу предлагались двумя лицами, рѣшались нѣкоторыя административно-хозяйственные дѣла (главнымъ образомъ относительно пополненія библіотеки общества) и читались небольшія научныя сообщенія или литературные опыты членовъ. Сообщенія обыкновенно касались какихъ нибудь новыхъ книгъ, при чемъ критика молодыхъ людей въ большинствѣ случаевъ бывала очень строгая: таково ужъ, вѣроятно, свойство юнаго русскаго ума,—тутъ въ насть сказывался тотъ же духъ Коли Красоткина, который такъ силенъ быть въ насть въ гимназіи; но только теперь мы уже значительно расширили кругъ своихъ знаній, запасались иногда довольно солиднымъ научнымъ багажомъ, такъ что нашъ задоръ являлся уже болѣе обоснованнымъ. Нѣсколько сообщеній касались у насть другихъ студенческихъ обществъ, существовавшихъ въ прежнее время въ Петербургскомъ или другихъ русскихъ и иностранныхъ университетахъ; такія сообщенія обыкновенно пріурочивались къ мартовскому собранію общества, когда мы справляли годовщину его основанія. Посвящались сообщенія нѣкоторымъ новымъ научнымъ открытиямъ или теоріямъ. Обыкновенно, въ засѣданіяхъ бывали горячія пренія, при чемъ вырабатывалась порой замѣчательная діалектика, а иногда высказывались весьма оригинальныя замѣчанія по тому или другому научному вопросу. Слѣдуетъ отмѣтить, что никогда споръ не переносился на личную почву, и неуваженія къ противнику никогда не проявлялось, чтѣ положительно является крайней рѣдкостью во всѣхъ нашихъ обществахъ.

Что касается чтеній для всѣхъ студентовъ, то они посвящались болѣею частью какимъ нибудь крупнымъ вопросамъ и бывали значительно большаго объема, чѣмъ сообщенія въ засѣданіяхъ. Брались такие рефераты нерѣдко изъ сочиненій, представлявшихся членами общества на соисканіе университетской медали, такъ что уже самъ фактъ присужденія награды являлся для насть нѣкоторой гарантіей серіозности реферата, и роль научнаго отдѣла при его оцѣнкѣ сводилась къ опредѣленію степени интереса, имъ представляемаго, и къ отысканію оппонентовъ. Оппоненты же иногда выступали весьма опасные, и споры затягивались, бывало, далеко за полночь, такъ что отъ профессоровъ-спеціалистовъ, руководившихъ преніями, требовалась порядочная жертва времени; а бывало и такъ, что пренія переносились на другой день. Случалось, что рефераты соединялись вмѣстѣ: такъ, по поводу книги профессора Н. И. Каульева «Основные вопросы философіи исторіи», только что выпущенной, были прочитаны сообщенія студентами Н. Д. Чечулинымъ и А. Брауномъ, при чемъ первый ограничился изложеніемъ содержа-

нія книги, а рано скончавшійся очень талантливый юноша Браунъ подвергъ ее довольно суворой критикѣ; въ память К. Д. Кавелина было прочтено три реферата, въ которыхъ характеризовались его исторические, публицистические и философские труды.

Кромѣ этихъ сообщеній и рефератовъ, огромнымъ подспорьемъ въ нашихъ научно-литературныхъ занятіяхъ являлась наша библиотека, которой мы, какъ своимъ созданіемъ, по всей справедливости могли гордиться. Насчитывалось въ ней нѣсколько тысячи названий книгъ и журналовъ по разнымъ специальностямъ: многое мы покупали на общественные средства, составлявшіяся изъ членскихъ взносовъ, а самая главная часть библиотеки образовалась изъ пожертвованій: давали намъ дублеты и ненужныя имъ книги наши профессора, присылали многіе авторы и издатели, къ которымъ мы обращались съ просьбой, жертвовали и сами члены. Обогащеніе библиотеки каждый членъ общества ставилъ себѣ въ обязанность, которую выполнялъ весьма ревностно: Ѳдетъ кто нибудь изъ насъ въ провинцію, беретъ съ собой бланки общества и двѣ упомянутыя выше брошюры «Трудовъ», — и смотришь, въ обмѣнъ на эти «Труды» присыпаетъ всѣ свои монументальные изданія какое нибудь земство, провинціальное ученое общество, университетъ, частное лицо.

Существенной стороной жизни нашего общества было то сближеніе, которое устанавливалось между нами и профессорами, а также и, какъ я уже сказалъ выше, съ оставленными при университѣтѣ. Изъ профессоровъ посыпали наши засѣданія О. Ф. Миллеръ, В. И. Сергеевичъ, И. Е. Андреевскій, В. В. Докучаевъ, Н. И. Карбевъ, Е. Е. Замысловскій, М. И. Владиславлевъ и многіе другіе. Говоря о нихъ, конечно, съ особенною благодарностью, надо помянуть покойнаго О. Ф. Миллера. Этотъ незабвенный другъ нашихъ студентовъ былъ предсѣдателемъ нашего общества за все время его существованія, и лучшаго предсѣдателя мы не могли бы имѣть. Это былъ настоящій руководитель молодежи, никогда не искашившій популярности (хотя и находились нѣкоторые гнусные клеветники, обвинявши его въ такомъ искательствѣ), но всегда любимый студентами, которымъ онъ не стѣсняясь говорилъ правду, подчасъ и очень горькую. Всякій изъ насъ зналъ, что иначе, какъ «по совѣсти», Орестъ Федоровичъ говорить не можетъ, что, наконецъ, дипломатическихъ увѣртокъ онъ не знаетъ, а, кромѣ того, мы были увѣрены въ его любви къ намъ, и сами мы безгранично любили доброго и безусловно-честного нашего учителя. Когда въ нашемъ обществѣ при началѣ его дѣятельности произошли описанныя выше разногласія, Орестъ Федоровичъ въ засѣданіи 8-го апрѣля 1882 г. произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: «Помните, что ни въ какомъ направленіи не можетъ быть мѣста

политикѣ въ студенческомъ научно-литературномъ обществѣ, потому что политикѣ нѣтъ мѣста въ университѣтѣ. Университетская наука только готовить къ гражданской, то-есть политической дѣятельности въ будущемъ. Что же касается житейского успѣха, то-есть карьеры, то къ этому бы она и готовить не должна. Въ нормально поставленномъ университѣтѣ наука можетъ представляться студенчеству только цѣлью, а никакъ не средствомъ». Вотъ въ этомъ-то отношеніи, въ смыслѣ постояннаго содѣйствія научной работѣ нашего общества, Орестъ Федоровичъ былъ не только предсѣдателемъ, но и незамѣнимымъ напимъ воспитателемъ, и я увѣренъ, что все мои прежніе товарищи по обществу въ этомъ со мною вполнѣ будутъ согласны.

Дорога для насть память и другого человѣка, всегда съ самыи живыи сочувствiемъ относившагося къ нашему обществу, нашего популярнѣйшаго ректора, И. Е. Андреевскаго. Нѣкоторые люди называли его хитрецомъ, но хитрость его состояла въ мастерскомъ умѣнїи говорить съ молодежью: какъ и Орестъ Федоровичъ, онъ безусловно былъ правдивъ, и это качество, въ соединеніи съ рѣдкимъ ораторскимъ талантомъ и какимъ-то свѣтлымъ, ободряющимъ юморомъ, давало ему положительно безграничную власть надъ молодежью.

Съ благодарностью мы вспоминаемъ также и участіе въ нашемъ обществѣ В. И. Сергеевича, бывшаго товарища предсѣдателя, и другихъ профессоровъ, руководившихъ напими занятіями.

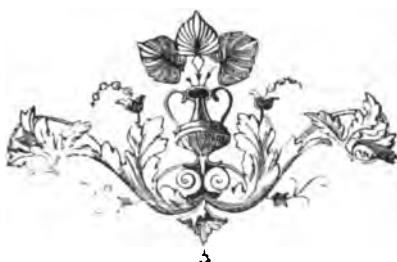
Въ 1887 году надъ нашимъ обществомъ разразилась гроза: послѣ покушенія на жизнь императора Александра III смѣнился ректоръ, въ университѣтѣ были введены нѣкоторыя новыя правила, и наше общество прекратило свое существование.

Но какіе же оно дало результаты? мнѣ кажется, результаты эти представляются достаточно краснорѣчивыми, если я укажу, что теперь въ нашихъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ около 50 профессоровъ и приватъ-доцентовъ—члены написанного общества, при чемъ изъ нихъ иные достигли уже весьма почетной извѣстности въ научной сферѣ. Ясно, что импульсъ къ научной работѣ былъ очень силенъ. Но, кромѣ того, въ насть воспитались и общественные инстинкты, и мы можемъ безъ всякаго самообольщенія указать на нѣсколькихъ весьма почтенныхъ общественныхъ дѣятелей на поприщахъ литературы, земской и государственной службы, вышедшихъ изъ нашей среды.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ, чтобы суммировать тѣ положенія, истекающія изъ практики нашего общества, которыя могутъ быть, пожалуй, полезны для предложенныхъ въ послѣднее время студенческихъ кружковъ: 1) инициатива студенческихъ обществъ должна исходить отъ самихъ студентовъ; 2) всякая по-

литика должна быть изгнана изъ общества; 3) общества не должны ограничиваться известными факультетами, а напротивъ должны содѣйствовать научному сближенію студентовъ разныхъ факультетовъ; 4) необходимо участіе профессоровъ и оставленныхъ при университѣтѣ, и 5) должна быть предоставлена полная свобода преній, такъ какъ всякое ихъ стѣсненіе подорвѣтъ довѣріе студентовъ и ослабитъ ихъ интересъ къ дѣлу.

А. Бороздинъ.

5